

В БАЛЕТНОМ классе Пермского театра оперы и балета друг друга понимают с полуслова, и от педагога-репетитора вы не услышите дивных наставлений.

— Внимание, слушаем музыку.

— Все единое, единое.

— Думайте, что дальше...

Только и всего!

Валентина Владимировна Байкова репетирует те знаменитые «Тени» в хореографии Петипа, кекки, полагают балетоведы, по силам на сегодняшней сцене буквально считанным труппам: в «Тенях» высшая сложность и высшая ансамблевость. Не говоря уж о том, что постановка Петипа требует полного состава женского кордебалета — тридцать две, как на подбор, классические танцовщицы.

В Перми акт «Теней», перенесенный из Ленинградского Кировского театра, где он сохранен в подлиннике, идет уже сезона три, и многочисленные поклонники музыки балета Терпихоры в Перми не склонны считать это обстоятельство чрезвычайным, признают его как должное.

У Петипа здесь нет больших прыжков, стремительных вращений. Но это пластическая мелодия широкого дыхания, основанная на теме грабески и Моротных прыжков — сисоней. Горькая судьба балетером, погубленных их неверными возлюбленными, все время богу отягощает легким обликом «Теней», не дает им оторваться от земли. Тени полифонически поддерживают тему Ники, многократно усиливая воздействие на нас всей сцены встречи ее с Солором.

Текст хореографа предполагает в акте, кроме крепкой пальцевой техники и безукорынной слаженности, единый исполнительский почерк, главное достоинство которого — певучесть, протяженность танца, искусство поэтического слияния движений и поз в хореографические многостроичия.

На репетиции, где выданы не один и не два — десятка вариантов черновика, где нет перед тобой торжественных огней рампы, пожалуй, лучше всего поймешь, откуда она, теперь уже привычная для нас, слава пермского кордебалета как одного из лучших в стране. Поймешь, увидев вблизи, как трагично жестко вены танцовщицы — без кукольности и салонной томности, как органично ощущают они классическую форму, как ровен их почерк, как надежна

С Л О В О О КОРДЕБАЛЕТЕ

техника, выдерживающая ежедневные, по меньшей мере семичасовые, нагрузки.

Все это дает пермскому балету безоговорочное творческое право и на «Тени», и на «Пахиту», и на «Жизель», и на все три балетных шедевра Чайковского (заметим: пермская редакция «Щелкунчика» танцевальнее ленинградского оригинала Василия Вайнонена).

Снова и снова будет волновать нас много раз виденная уже «лебединая картина» Льва Иванова, где хореограф-новатор в зримой музыке танца девушки-лебедя сумел передать тончайшие душевные импульсы Одетты и ее подруг — сильную робость их (человек вторгся в их заповедные пределы), надежду на избавление от власти злойшей совы Готбарта (ее, надежду, дает им любовь Одетты), их мятежный порыв к свободе, земному счастью. Герои «лебединой картины» живут в танце, полнота этой жизни поражает нас и сегодня...

А тем временем главный балетмейстер театра Николай Боярчиков всерьез примеривается и к «Сильфидам», раннему романтическому балету, где полтора столетия назад танцовщицы впервые поднялись на пуанты, и к «Талисману» Петипа, так мало шедшему на советской сцене.

Кордебалет пермской труппы действий, психологичен и в спектаклях советской хореографии. Каждый раз он воссоздает образ народа в его драматургическом сопоставлении с судьбами главных героев. В «Спартаке» (хореография Н. Маркарянца) это рабы, страстно подхватывающие монолг своего предводителя

«Проклятые Риму» — его призыв к восстанию. В «Ромео и Джульетте» это порожане, буффонная карнавальная пластика которых противопоставляет ритуально-недвижной танцевальной фразировке рыцарей. Это Набат, глас народный в

любое время остается строго выверенным до мелочей.

Творческой школой кордебалета не пренебрегают ведущие солисты, имея здесь дело с историко-бытовой и народной хореографией, с танцами многообразных течений и стилей, с острохарактерными индивидуальными зарисовками персонажей. В кордебалете можно увидеть и Каменскую, и Кузьмичеву, и Судакową, и Дубровина. Своя солидные партии, интересно сыгранные, имеют Ирина Пантелеева, Валентина Никифорова (великолепны ее ныряла Джульетты), шинкарка в «Царе Борисе», Светлана Болотова, Анастий Высочин, Александр Пономарев.

Мы покидаем балетный класс, где репетируют акт «Теней», давший такой хороший повод, чтобы поразмыслить о кордебалете, что в переводе с французского означает «основа балета», о его труде, заслуживающем преклонения, о его и в самом деле нелегком хлебе, о его высококом призвании быть хранителем всемирного достояния классического танца.

Ю. НАДЕЖДИН.

На с ним и так: репетирует Л. КЛИМОВА; в балетном классе; эпизод из балета «Ромео и Джульетта».

Фото А. Зернина.

«Царе Борисе» — его тревожный стон терзает душу Преступного царя.

Пермский кордебалет — отличная антерсая школа, руководимая людьми, отдающими ей душу, талант, опыт — Валентиной Вайновой и заслуженным артистом РСФСР, лауреатом международного конкурса Львом Асауляном. Тимекий, подвигнический труд балетных педагогов-репети-о-

ров до сих пор остается не оцененным по заслугам. Ведь это Вайновой, Асауляну, солистке балета Ларисе Климовой, добровольно принимающей на свои плечи тяжкие хлопоты репетиторства, труппа во многом обязана тем, что хореографические тексты спешатей сохраняются в их премьерном ящике, сколько бы сезонов ни прошло со дня первой постановки, а технический арсенал кордебалета в